

Чжа Нань, отодвинувшись подальше, украдкой посмотрела на него и сказала:

— Сильный брат, кажется, я случайно записала крики уличного торговца крысиным ядом, когда записывала твой голос.

— Ты же говорила, что всё будет идеально? — его голос звучал ледяным.

— Сильный брат, я ошиблась... — Чжа Нань достала из-за пояса свой белый платок и начала всхлипывать, вытирая слёзы.

— Эх... — Чжан Юнцян вздохнул, встал и помог ей подняться, мягко сказав:

— Хватит плакать. Ты теперь даже больше похожа на Жохана, чем он сам.

Чжа Нань тщательно вытерла слёзы и проговорила:

— Когда староста плачет, его жалеют, а когда я плачу, никто не обращает внимания. Как же мне плохо...

Она обошла Чжан Юнцяна и бросила многозначительный взгляд на Диу Дуна.

Тот, подражая ей, сказал с дрожью в голосе:

— Чжа Нань, я пожалею тебя.

— Видимо, мне суждено быть одинокой, — Чжа Нань обняла Диу Дуна за шею и, вытирая слёзы, продолжила:

— Я столько сделала для твоего романа с Сяолин, отдала всю душу. Разве это не достойно благодарности?

Чжан Юнцян сказал:

— Ладно, не будем винить тебя.

Что случилось, то случилось. Винить кого-то уже бессмысленно. Хотя он и был раздражён небрежностью Чжа Нань, но не чувствовал себя подавленным.

Пожалуй, после этого инцидента ни одна девушка не рискнёт принять его чувства.

Мама говорила, что у него начался подростковый период, но он чувствовал, что он уже закончился, даже не успев начаться.

Лес Жучунь, как всегда, был прекрасен. Широкие листья шелестели на ветру, изредка опадая, словно касаясь воды, как стрекозы, создавая атмосферу умиротворения.

Чжан Юнцян, Чжа Нань и Диу Дун сидели за столом в полном молчании. С тех пор, как произошёл инцидент в радиорубке, они редко собирались вместе, а если и собирались, то почти не разговаривали.

Чжан Юнцян, как обычно, спал на уроках, а после занятий тренировался с Ван Жоханем. Чжа Нань и Диу Дун часто наблюдали за ними издали, смеясь и болтая. Но как только Чжан Юнцян и Ван Жохань приближались, они тут же принимали отстранённый вид.

Чжан Юнцян не мог понять их поведение. Он подозревал, что Чжа Нань всё ещё злится на него за прошлый случай.

Но что он такого сделал?

Ван Жохань на третьем уроке сообщил им, что хочет собрать всех вместе. Никто не спросил, зачем, но все пришли вовремя.

Увидев, что все собрались, Ван Жохань быстро подошёл, его лицо было румяным. Он развернул лист бумаги и положил его на каменный стол:

— Как вам?

Все подошли посмотреть: на обычном листе бумаги был аккуратный текст.

Чжа Нань прочитала вслух:

— Юань Сяолин, привет. Прошлый случай был случайностью. Я просто хотел через радио выразить свои чувства к тебе. С первой встречи я влюбился в тебя. Возможно, ты уже забыла, где и когда мы впервые встретились. Но это не важно. Я помню всё. Я просто хочу, чтобы ты знала, что я действительно люблю тебя больше, чем кого-либо в этом мире. Надеюсь, после этого письма ты согласишься встречаться со мной, хотя бы дашь мне шанс. Я не прошу большего, только быть с тобой до конца жизни.

Чжа Нань дочитала, взглянула на подпись — Чжан Юнцян — и сказала:

— Староста, это письмо просто великолепно.

— Староста, ты настоящий мастер, — Диу Дун поднял большой палец и положил руку на плечо Ван Жохана. — Когда появится моя судьба, ты обязательно напишешь мне такое же письмо. Я сам ни слова не смогу выжать.

Ван Жохань кивнул, украдкой взглянув на Чжан Юнцяна:

— Сильный брат, как тебе? Нужно что-то изменить?

Чжан Юнцян смотрел на письмо, затем в его чистые глаза. Сердце сжалось, словно на него давила тяжесть, вызывая боль и дискомфорт.

Каждый раз, когда он видел Ван Жохана, его сердце вело себя странно: то начинало биться беспорядочно, то ныло, а он сам становился раздражительным и начинал думать о странном.

Может, у него проблемы с сердцем?

Или он просто не высыпается?

Он очнулся, Ван Жохань пристально смотрел на него, с выражением беспокойства на лице. Чжан Юнцян собрался и сказал:

— Всё отлично.

Диу Дун внезапно воскликнул:

— А Цян, твоё письмо так тронуло меня, я люблю тебя!

Чжа Нань встала, положила руку на лоб и, делая вид, что задумалась, сказала, глядя на Диу Дун:

— Сяолин, у меня уже есть любимый, я не люблю тебя.

Диу Дун удивился:

— Тогда зачем ты написала мне письмо?

Чжа Нань холодно ответила:

— Я обманула тебя. Как я могу писать письма такому уродцу, как ты.

Диу Дун открыл рот, возмущённо сказав:

— Ты назвала меня уродцем? Ты...

— Ты урод.

— Драчун.

— Урод.

— Драчун.

Ван Жохань тихо спросил Чжан Юнцяна:

— Сильный брат, что происходит с Чжа Нань и Дуном?

Чжан Юнцян ответил:

— Наверное, им просто скучно, и они хотят подраться.

Ван Жохань спросил:

— А кто такой А Цян?

Чжан Юнцян пожал плечами:

— Не знаю.

Чжа Нань и Диу Дун действительно начали толкать друг друга, пока письмо не разорвалось на куски, и ветер разнёс их.

— Письмо... — Ван Жохань побежал собирать обрывки.

Чжан Юнцян вздохнул и тоже начал собирать разлетевшиеся клочки бумаги.

Когда они ушли, Чжа Нань и Диу Дун, словно сдувшиеся шары, устало сели.

Чжа Нань выругалась:

— Сильный брат — идиот.

Диу Дун добавил:

— Староста ещё больший идиот.

Чжа Нань продолжила:

— Чёрт, чёрт, чёрт. Мы так старались, а они ничего не поняли. Просто дураки.

Диу Дун согласился:

— Да уж, это как если бы ты наступил на дерьмо.

Чжа Нань взорвалась:

— Блин, я так старалась для них, а они даже не поняли. Я столько слёз пролила, а всё зря.

Она давно поняла, что они влюблены друг в друга, но сами они никак не решались признаться.

Поэтому она решила помочь.

Она специально заменила скорпиона на таракана, чтобы Чжан Юнцян не думал о романе; специально заставила Ван Жохана сыграть злодея, зная, что Юань Сяолин боится именно его. Она даже устроила им возможность побыть наедине, но они ничего не поняли.

Шум в записи был тоже её идеей. Она сделала так много, но всё напрасно.

Эти двое были словно деревянные, безмозглые.

Диу Дун спросил:

— Чжа Нань, может, у них и нет таких чувств? Может, мы просто выдумали?

Чжа Нань возразила:

— Разве ты не видел, как они нежно общались под ивой?

Диу Дун кивнул:

— Видел.

Чжа Нань продолжила:

— А ты не заметил, как Сильный брат жертвует сном, чтобы быть с старостой? Нам он такого внимания не уделяет.

Диу Дун согласился.

Хотя они все трое были близки, Чжан Юнцян редко жертвовал сном ради них. Но с Ван Жоханом всё было иначе: он приходил рано утром, чтобы бегать с ним; на переменах учил его приседаниям; вечером снова бегал с ним. Если это не доказывает его чувства, то есть ещё одно.

Когда Ван Жохан заболел, Чжан Юнцян каждый вечер задерживался, чтобы тайно провожать его домой, следя, чтобы он благополучно вошёл в дом.

Он говорил им, что Ван Жохань — его брат, как и они, что они все близки, как родные.

Брат? Родные? Чушь!

Он тоже боялся темноты, но Чжан Юнцян никогда не провожал его.

Чжан Юнцян говорил ему: «Дун, ты мужчина, ты должен сам о себе заботиться».

Чёрт возьми, Ван Жохань тоже мужчина, но он этого не признаёт.

Диу Дун всё больше злился и вдруг закричал:

— Я тоже хочу быть предвзятым!

Чжа Нань сразу поняла и спокойно спросила:

— Дун, а кто твоя «предвзятость»?

— ...

Небо было ясным, и осенний ветер мягко дул.

<http://bllate.org/book/15447/1370326>